

Женские судьбы.
Уютная проза
Марии Метлицкой

Мария Метлицкая

Незапертая дверь

Москва
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М54

Художественное оформление серии
и иллюстрация на обложке *П. Петрова*

Метлицкая, Мария.
М54 Незапертая дверь / Мария Метлицкая. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-197238-7

Как часто, особенно в молодости, мы бьемся в запертые двери. Пытаемся найти за ними пылкую любовь, африканские страсти, нескудную, полную невероятных событий жизнь.

Увы, обычно эти двери так и остаются запертыми.

Но в своем безудержном стремлении к «киношной» жизни мы не замечаем, что рядом с закрытой дверью обычно есть открытая. Там нам рады, нас ждут.

И в обычной жизни спокойная любовь и стабильность — и есть счастье, а вулкан страстей хорош только в романах.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Метлицкая М., 2024
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024
ISBN 978-5-04-197238-7

Незапертая дверь

Погода диктовала настроение. Погода командовала людьми. От нее зависели. Обсуждали ее вяло, но постоянно.

Город, и без того серый, мрачный, с низким, пугающим и давящим на психику небом, с раннего утра погрузился в густой, плотный сизый туман.

К полудню туман немного рассеялся, зато озверело набросился дождь — злой, колючий, холодный, настоящий ноябрьский.

Все ждали снега, снежка, который бы чуть оживил мрачные улицы, прикрыл безобразия в виде мусора и собачьих экскрементов, припорошил, прибелил, осветил. Но нет, снега не было даже на ноябрьские праздники, вернее бывшие праздники — сейчас их никто не справляет. Однако вспоминают: да, именно в эти дни почти всегда выпадал первый снежок.

Вслед за дождем с низкого неба, как из решета, посыпалась мелкая снежная крупка, но не долетала до земли, а уже в воздухе таяла и исчезала.

Катя нехотя поднялась со стула, дошла до закутка, где стояла кофемашина, а в пластмассовой сушарнице лежали скромные сушки, принесенные добрым человеком, там же стояли и разорванная коробка с остатками кубиков рафинада, и узкая баночка с сахарозаменителем — в их модном офисе многие следили за весом.

Она сварила двойной эспрессо, добавила чайную ложку воды, бросила два кубика сахара — уж ей-то лишние килограммы точно не грозили.

Хотелось есть, но в столовую, находящуюся в соседнем здании, соединенным с их корпусом длинным стеклянным коридором, идти было лениво.

Вздохнув, взяла три сушки, чашку с кофе и вернулась за компьютер.

За окном было грустно. Темно, ветрено, мокро. Сыпала снежная крупа, резко упала температура — оконный градусник уже показывал минус два. Ночью точно подморозит, а значит, с утра будет гололед.

Катя поежилась. Как же она ненавидит зиму! Катя любила тепло. Солнце, море, теплый песок. Сосны и дюны. Осень и зиму она не жила, а переживала, перетерпевала. В эти месяцы ей хотелось одного — надеть теплую бархатную пижамку и непременно носки, поставить на тумбочку свою любимую пол-литровую, со щенком лабрадора, кружку со сладким чаем, рядом положить коробку

мармелада, два мандарина и яблоко, нырнуть в кровать, закутаться в одеяло и блаженно закрыть глаза. Но самое главное — выключить телефон! Или забыть его в ванной, чтобы не слышать, не слышать, не слышать — ни писка, ни дребезжания, ни вибрации. И никого не слышать, вообще никого! Ни друзей, ни коллег, ни начальника. Ни даже маму! Уйти в спячку до весны, как медведь.

Ага, как же! Невозможно. Не то что до весны — до следующего дня! Если ее потеряют — ох, страшно представить, что тут же начнется! Мама, Верун, начальник, коллеги, заказчики! И Чемоданов. Наверное.

Мама будет рыдать и литрами пить валокордин. Верка сначала впадет в ступор, а выйдя, помчится в полицию, где устроит такое! Бедные полицейские... Коллеги начнут перезваниваться и сочинять страшные версии. Чемоданов примется обзванивать важных людей, и будет объявлен план-перехват.

Да, лучше не исчезать, потом не разгребешься.

Катя допила кофе, вымыла чашку и вернулась на рабочее место. От яркого дневного освещения болели глаза. Топили так сильно, что першило горло и сохла кожа. Крем для рук стоял на столе у всех женщин.

Часы показывали без пяти минут пять, а это означало, что рабочего времени оставался час. С одной стороны, ерунда, а с другой — много. Последний час тянулся, как ре-

зиновый. А главное впереди — еще предстояло добраться до дома. Задача не из легких. На дорогах будет ад.

От пяти — или шести? — чашек кофе Катю мутило. Обедать она не ходила, и можно было представить — а с воображением у Кати, как у художника, проблем не было, — что в пустом и обиженном желудке плещется литр черного крепкого кофе.

Наконец рабочий день закончился, и все радостно и шумно повставали со стульев. У лифта толпился народ. Говорили, естественно, о погоде. Женщины надевали платки и шапки, мужчины поднимали воротники курток.

У входной двери застывали — выходить в этот мрак было страшновато.

Но самые отчаянные бросались за дверь, как в холодное море.

Народ потянулся к метро.

Катя добежала до своей машины, нырнула в нее и включила мотор.

«Ничего, ничего! — подумала она. — Пять минут — и будет комфортно. Не то что им, бедолагам. Правда, они, бедолаги, спустя полчаса или час окажутся дома, а когда там окажемся мы, автомобилисты... Вопрос».

Дворники еле справлялись с ветром и дождем, но в машине уже разливалось блаженное тепло.

«Ну, по коням!» — бодро сказала себе Катя и выехала с парковки.

Мимо проехала и просигналила голубая «Тойота» коллеги. Катя бибикнула в ответ.

Все было так, как, собственно, и ожидалось — машины еле ползли. Дорога была похожа на медленно движущуюся змею. Ужасно хотелось спать, и Катя врубила бодрящую музыку.

Как ей хотелось в теплые края! На бережок с травкой или песочком, возле журчащей серебристой речки или гладкого блестящего недвижимого, как зеркало, озера. Не говоря уж про море, теплое, нежное, бархатное. Как хотелось яркого, жаркого солнца, горячего песка, запаха водорослей!

Но где оно, это тепло, где это солнце и это море... Сейчас это точно не для нее. Потому что отпуск намечается только в августе, а до этого августа как до луны.

В общем, сплошное расстройство.

Ну почему человек живет не там, где ему хорошо? В климате, который ему не подходит и где у него постоянно депрессивное настроение? Кажется, как все просто — взять паспорт, купить билет и оказаться там, где ты будешь счастлив. Где каждое утро станет радостным и уютным, где тебе захочется жить, бегать по утрам на пустынной набережной и любоваться на голубую застывшую воду, завтракать на открытой солнечной террасе с видом на море или на горы, пить кофе и апельсиновый сок, есть круассаны. Сок, кофе и круассаны можно найти и дома, но тогда не

смотреть в окно, потому что сразу теряется смысл.

А эти безумные пробки, отнимающие полжизни?

А нервы? Нервы везде — в пробках, магазинах, на работе. Потому что народ устает. От мегаполиса устает, от суеты, от погоды.

Ладно, как есть. Нечего жаловаться. А может, еще все получится и ей удастся изменить свою жизнь.

Зазвонил телефон, и Катя со вздохом вынырнула из сожалений и мечтаний. На дисплее высветилось — «Верун».

Верун, Верка, Верунчик — лучшая и самая старая подруга.

— Привет, — сказала Катя.

— Ты где? — без ответных приветов ответила невоспитанная подруга.

— В пробке, где же еще. Еду с работы, если тебе это слово знакомо! — съехидничала Катя.

Это была их обычная манера разговора: они постоянно друг друга подкалывали и почти никогда друг на друга не обижались.

Колкость Верка пропустила мимо ушей — много чести.

— Где — в пробке? Конкретно! — потребовала она.

— Господи, где, где, — с раздражением ответила Катя. — Тебе-то какая разница? Такая задница, что разницы нет!

— Я спрашиваю, где! — Голос подруги звучал угрожающе. — Ты далеко от дома?

— Неблизко, — вздохнула Катя. — А что?

— А то, — все так же сурово ответила Верка. — Срочно дуй на Мосфильмовскую!

Оторопевшая Катя делано рассмеялась:

— Да что ты! Прямо так и дуй! И прямо на Мосфильмовскую?

— Прямо так и дуй! — подтвердила Верка. — Никуда не сворачивая!

Катя набрала побольше воздуха:

— Вер Андреевна, — ангельским голосом сказала она, — а вы, уважаемая, не желаете объяснить? Ну или сказать пару слов? Зачем мне, собственно, дуть и дуть не сворачивая? По какому такому случаю? Что-то важное, не позволяющее обождать? Событие или происшествие вселенского масштаба? Меня ждет сказочно богатый жених на белом «Майбахе»? Ну, как вариант. Или подарок в виде бриллиантового кольца от королевы Елизаветы? Ну вдруг старушонка решила со мной поделиться? Дети и внуки ведут себя плохо, а я, Катя Воронцова, вполне ничего. А может, мой тайный поклонник передал тебе ключи от особняка на Рублевке? Что же там меня ждет, чтобы я, мечтающая о чашке горячего чая и бутерброде с ветчиной, о теплой пижаме и родной, самой любимой кровати, о книжечке, о сериале, о покое, наконец, дула на эту твою Мосфильмовскую? Я устала, как сто чертей, за эту неделю,

я пашу, как папа Карло, в отличие от некоторых. Сегодня пятница и конец рабочей недели, и я еле жива. Вера! Мне хочется материться! Мне всегда хочется материться, когда я слышу тебя и твои idiotские предложения или приказы! Вера, ты меня слышишь? — Катя уже кричала.

— Неужели всегда? — расстроено переспросила Верка. — Прямо точно — всегда?

— Что — всегда? — не поняв, оторопела Катя.

Верка засмеялась:

— Материться — всегда? Остроумная ты наша!

— Ну ты и дура, — выдохнула Катя.

Но напряжение было снято. В детстве и юности они часто цапались, но так же быстро мирились — поссориться с Веркой было проблемой. Поэтому и дружили так долго.

— Ладно, — примирительно и устало сказала Катя. — Не всегда. Но очень часто. Вера, я еле живая! Вот честно. За все деньги мира никуда не поеду. Ни на Мосфильмовскую, ни даже ближе! Думаю об одном — доехать домой. Доехать и рухнуть. Но тебе не понять.

— Прижмись к обочине, — скомандовала Вера. — Встань, слышишь! А то врежешься, не приведи господи, и я буду виновата.

— Прижалась, — соврала Катя.

Какая обочина! Поди прорвись к этой самой обочине! Машины в четыре разрешенных ряда и пятый — куда ж без него, — самообразо-

ванный недисциплинированными водителями. А таких в столице большинство.

— Встала? — недоверчиво уточнила Верка. — Ну тогда слушай. Внимательно слушай. Короче...

— Вот именно! — перебила ее Катя. — Помни об этом!

На очередную подколку Вера не среагировала.

— Примерно два года назад, по осени, было довольно прохладно, моросил мелкий дождик, и Юля моя прогуливалась с Шопеном. Тот сделал свои дела и тянул Юлю домой, ты же знаешь, какой он любитель дождя. Вдруг картинка — на мокрой скамейке сидит старушонка. Жалкая такая, в потертом пальто, в бархатной шляпке прошлого века, в таких же перчатках и с сумочкой. Глаза у старушки закрыты.

Ну Юля моя и подумала: «Трындец, померла старушка. Что делать, кого вызывать?» Короче, маман растерялась и засуетилась, тычет в телефон, пытается вызвать «Скорую».

А во дворе как назло никого! Но странное дело — Шопен спокоен. Обычно собаки чувствуют, если покойник. А этот обнюхал бабулю и пошел дальше. Тут Юля сообразила — подошла к старушке, подергала за рукав, а та и глазоньки открыла! И стала извиняться: вот, типа, старая вешалка! Села и уснула! Милая такая, интеллигентная. Ну из обломков, ты понимаешь.

— Из каких обломков? — не поняла Катя.

Вера вздохнула:

— Прежней жизни, Кать. Я еще помню таких на Арбате. Шляпки, шарфики, перчаточки. Авооська с кефиром. Эх... Но теперь по понятным причинам старушки исчезли. Так вот, — с воодушевлением продолжила Вера, — не отвлекай! Проводили Юля с Шопеном бабулю, довели до квартиры, обменялись телефонами и попрощались. Ты мою матушку знаешь: и «звоните», и «обращайтесь», и «не волнуйтесь, я рядом!»

Но бабуля ее убедила, что она со всем справляется и ничем ее не обременит. По крайней мере, очень будет стараться. Есть у нее и социальный работник, и знакомые, и соседи.

Но ты ж мою мать Терезу знаешь — Юля позванивала бабуле, угощала пирогами, Что-то приносила из магазина.

В общем, они подружились.

В хорошую погоду вместе гуляли, болтали о том о сем, бабуся оказалась собачницей и любила Шопена.

— Слушай, Вер! — не выдержала Катя. — Давай покороче! Ты во сколько сегодня встала? В двенадцать? А я в семь, Вер! И отработала день! И сейчас ты в теплой квартире пьешь кофе и куришь свой айкос! А мне, Вер, до дома как до луны. И вообще — зачем мне эти подробности?

— Потерпи, — безапелляционно ответила Верка, — и все станет ясно.

«А ведь не отвяжется, — с тоской подумала Катя. — Верке скучно, спешить ей некуда. Вот ведь зараза!»

Тем временем Вера продолжала:

— Пару лет назад у Эмилии — ее звали Эмилия, Эмилия Рейнардовна, папаша был латыш или литовец, не помню, да это и не важно.

— Да что ты? — с деланным удивлением воскликнула Катя. — Неужели не важно?

Верка невозмутимо продолжила:

— Пару лет назад, — повторила она, — у Эмилии умер муж. Детей у них не было. А людьми, между прочим, они были непростыми! Он — известный ученый, что-то в области химии, она — художница на «Мосфильме», тоже известная. Знаешь, сколько картин она сделала? Я услышала и офигела! Вся наша советская классика, представляешь? Все, что мы в детстве смотрели!

Так вот. Мне еще тогда маман сказала: «Познакомься с Эмилией Рейнардовной, предложи свою помощь. Она на ногах, мозги в полном порядке, никаких старческих закидонов, и самое главное — никаких родственников! Вообще никаких! В смысле, близких, московских. Есть какая-то двоюродная сестра в Молдавии, но с ней они сто лет не общаются». Ты поняла? — с нажимом спросила Верка.

— Квартира? — вздохнула Катя. — Ну что сказать... Юлия Павловна беспокоится. Хочет, чтобы у тебя было собственное жилье. А что тут такого? Юля — мать. Ты — балда

и разгильдяйка, все понятно. Короче, предложила тебе взять бабулю под опеку?

— Ну да, — усмехнулась Верка. — Но главное, чтобы Мусику ее любимому, сыночке дорогому, наша квартира досталась! А дочка — пусть сама зарабатывает! Ну да, все понятно! А то мы не знаем! Вот почему она Мишке не предложила?

— Перестань, — отозвалась Катя, — ты не работаешь, свободного времени куча, ты одна, живешь недалеко, а у Мишки семья, двое детей, и живет он на другом конце города. Не придумывай, Вер! Все логично.

Комментариев не поступило. Странно. Обычно на эту болезную тему — кто у матери любимец — Верка реагирует быстро и болезненно.

— Я, разумеется, отказалась! — с пафосом ответила Вера. — Буду я из-за квартиры! Это сейчас бабушка на ногах и при голове, а что будет завтра? Вот именно. Ну и послала я Юлю подальше. Все, не психуй, выходим на финишную прямую! Ты, кстати, где?

— На обочине, — соврала Катя. — Давай закругляйся!

— Ну вот, — продолжила Верка, — ты уже поняла, что квартирка бабулькина мимо. Недавно Эмилия, царствие небесное, отправилась в лучшие миры, написав завещание молдавской сестрице, потому как больше некому, ну и сестрица эта приехала, подала заявление на вступление в наследство и заторопилась

к родным берегам. Там у нее дети, внуки, сад, огород, от столицы бабка молдавская ошалела, жалуется, что голова кругом, и хочет квартиру освободить. Катька, короче! Тотальная распродажа! Sale, sold, finish total! — Верка наконец замолчала. Переводила дух.

Катя не понимала, как реагировать — наорать на Верку, коротко, но емко обложить или бросить трубку, рассориться на несколько дней?

Она молчала.

— Кать! — жалобно подала голос Верка. — Ну ты чего? Там столько добра! И все за копейки — молдавская тетка ни черта не понимает! Говорит, мне все равно, и так, типа, свалилось богатство, и хлам этот, рухлядь — только бы вынесли. Короче, магазин фиксированных цен, где все по пять, знаешь такие?

— Вер! И вот из-за этого, прости, говна, я потеряла час времени? Ты предлагаешь мне приехать и ковыряться в старушечьем барахле? В чужих тряпках? У тебя как с головой, Вера? Или ты издеваешься?

— Дура! — ничуть не испугавшись Катиного гнева, ответила та и передразнила: — «В барахле, в старушечьих тряпках!» Да там антиквариат, кретинка! Юля сказала, комоды старинные, лампы какие-то, тарелки настенные! Вазы, посуда! Бабка ведь не простая была, из бывших! К тому же — всю жизнь на «Мосфильме»! Неблагодарная ты, Воронцова! Юля, благородный человек, условие родственнице по-

ставила — первой запускаем нашу Катюку, а потом всех остальных! Там уже соседи ломаются, знакомые всякие! А значит, есть на что посмотреть! У тебя право первой ночи! А ты, зараза? Бедная Юля твердит: «Катюша строит свой дом, Катюша дизайнер, Катюша обставляет дорогие особняки и квартиры, Катюша обожает барахолки и блошинные рынки, Катюша любит старинные штучки!» — Веркин голос дрожал от негодования.

«Еще пять минут, и мы разругаемся», — подумала Катя.

Такое бывало не раз: ссорились и накоротко, и надолго.

Как-то не разговаривали полгода. Обе переживали, мучились. Уступила Катя.

Из-за чего они тогда поссорились? Кто бы вспомнил! А казалось, что навсегда.

— Ладно, Вер! Извини. Просто я очень устала. Говорю же, пятница, конец рабочей недели. Погода эта дурацкая. Ты же знаешь, что зимой меня нет! Извини, Верун, не обижайся! И тете Юле большое спасибо! Правда, про «строю дом» вы немного загнули. — Катя невесело усмехнулась. — Ну ладно, все, еду, Вер! А ты там, у мамы?

— Дома я, — буркнула Верка. — А Юля караулит. С виду бабка простецкая, но хитрая, мечтает, чтобы все вынесли поскорее. Соседей оббежала, по двору раззвонила. Но Юля стоит насмерть, ты ее знаешь! Так ты где, Кать? Сколько осталось?

Катя переключила навигатор на Мосфильмовскую. «Не надо врать, никогда не надо врать, — подумала она. — Никогда у меня не получалось, нечего и пытаться». Навигатор выдал маршрут: сорок минут. Не так много при нынешней ситуации.

Катя отчиталась и повторила вопрос:

— Так ты будешь?

Верка засуетилась:

— Позже, когда, не знаю, есть одно дельце.

Все ясно. Дельце — это очередное свидание. Мужик с какого-нибудь дурацкого Тиндера или наподобие. Ой, не дай бог, влипнет подруга! Дура, конечно, а с другой стороны... Где взять мужика, если ты не работаешь и сидишь дома? Где познакомиться, если ты никуда не ходишь? Как устроить личную жизнь, когда тебе за тридцать?

Терять Верке нечего: квартира чужая, машины нет, денег тоже. Аферисты ей не страшны. Но все равно, конечно, опасно.

Верка ушла от матери не так давно, несколько лет назад. Юлия Павловна, для Кати тетя Юля, была женщиной славной, современной, своей. Но это для Кати, а с Веркой они бодались почти ежедневно. И Юлю можно было понять — Верка давала ей прикурить. Еще как давала! С самого детства.

Мишка, Веркин брат, был мальчиком спокойным, послушным и тихим. Учился прекрасно, посещал секции, увлекался рисовани-

ем. А Верка росла пацанкой, оторвой: рваные брюки, ссадины, разбитые коленки. Училась она неважно, секции тут же бросала, закурила в тринадцать, впервые поцеловалась тогда же.

Юлин муж, отец Верки и Мишки, свалил к новой жене и в воспитании не участвовал. Правда, деньги подкидывал и привозил из заграничных командировок подарки.

Верка подарки брала — с паршивой овцы хоть шерсти клок, а обиженный и гордый Мишка не брал, чем очень радовал Юлию Павловну. Мать он любил до самозабвения. Ну и разумеется, жалел. Та отвечала взаимностью.

Юлия Павловна была женщиной героической — научилась шить и вязать, из одной курицы могла сделать обед на неделю, и никто не был голодным. Потом Юля пошла на бухгалтерские курсы, устроилась в совместное предприятие и стала хорошо зарабатывать. Замуж больше не вышла — а могла бы, ухаже-ры у нее водились, Юля была женственной, милой, хорошенькой. Но замуж — нет, не дай бог, а вдруг избранник обидит ее детей!

Кстати, жертву эту дети приняли как должное, и спасибо никто не сказал.

Мишка окончил институт, работал в банке на неплохой должности, женился на хорошей девочке, родили детей. Все у него было как надо. Он оставался маминой радостью, гордостью и отрадой.